



Роберт
Шекли

★
Билет
на планету
Транай
★

Рассказы

Роберт Шекли

Билет на планету Транай (сборник)

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Шекли Р.

Билет на планету Транай (сборник) / Р. Шекли — «Азбука-Аттикус»,

ISBN 978-5-389-15265-6

Замечательного американского писателя-визионера Роберта Шекли интересовали все сферы жизни и деятельности человека, но более всего, как истинного гуманиста, непосредственно сам человек и его сложный внутренний мир: психология, философия, религия, этика. У фонтанирующего идеями Шекли порой не хватало терпения на написание длинных романов, но зато рассказы, выходявшие из-под его острого, ироничного пера, становились подлинными жемчужинами. В сборник «Билет на планету Транай» включены рассказы, составляющие золотой фонд мировой фантастики.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-15265-6

© Шекли Р.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Долой паразитов!	5
Бремя человека	10
Ловушка	20
Билет на планету Транай	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Роберт Шекли

Билет на планету Транай (сборник)

Долой паразитов!

Ричард Грегор и Фрэнк Арнольд сидели в конторе Межпланетной очистительной службы «Асс», каждый на свой лад скрашивая долгое и томительное ожидание клиентов. Высокий, худой и сентиментальный Грегор раскладывал сложный пасьянс. Пухлый коротышка Арнольд, обладатель канареечно-желтых волос и голубых глаз, смотрел по маленькому телевизору старый фильм с Фредом Астером.

И тут – о чудо из чудес! – вошел клиент.

На сей раз им оказался сарканец – обитатель Саркана II, чья голова напоминала голову ласки. Он был облачен в белый костюм, а в руке держал дорогой портфель.

– У меня есть планета, где требуется истребить паразитов, – с порога заявил сарканец.

– Вы пришли по адресу, – заверил его Арнольд. – Так кто же вам мешает?

– Мииги. Мы еще терпели их, пока они отсиживались по норам, но теперь они начали нападать на нашу саунику, и с этим необходимо что-то делать.

– А кто такие мииги? – осведомился Грегор.

– Маленькие, уродливые и почти безмозглые существа с длинными когтями и свалывшейся шерстью.

– А что такое сауника?

– Это овощ с зелеными листьями, напоминающий земную капусту. Сарканцы питаются исключительно сауникой.

– И теперь мииги поедают саунику?

– Нет, они ее не едят, а раздирают когтями и варварски уничтожают.

– Зачем?

– Разве поступки миигов вообще можно объяснить?

– Воистину, сэр, – рассмеялся Арнольд. – Вы совершенно правы. Что ж, сэр, думаю, мы сможем вам помочь. Есть только одна проблема.

Грегор встревоженно посмотрел на партнера.

– Вопрос в том, – продолжал Арнольд, – отыщется ли для вас просвет в нашем графике.

Он раскрыл книгу заказов, страницы которой были плотно исписаны именами и датами, сочиненными Арнольдом как раз для такого случая.

– Вам повезло, – объявил он. – Как раз в эти выходные мы свободны. Осталось только договориться об оплате, и мы вылетаем к вам. Вот наш стандартный контракт, ознакомьтесь.

– Я привез свой контракт, – сказал сарканец, доставая документ из портфеля и протягивая его Арнольду. – Как видите, в него уже вписан весьма крупный гонорар.

– Конечно вижу, – отозвался Арнольд, размашисто подписывая контракт.

Грегор взял документ и внимательно его прочитал.

– Тут значится, что штраф за невыполнение условий контракта вдвое превышает наш гонорар, – заметил он.

– Именно поэтому я и плачу вам так много, – пояснил сарканец. – Результат нам нужен немедленно, пока не кончился сезон сбора урожая.

Грегору это не понравилось, но партнер метнул в него мрачный взгляд, напоминающий о неоплаченных счетах и просроченных банковских займах, и он, помедлив, все же нацарапал свою подпись.

Четыре дня спустя их корабль вынырнул из подпространства неподалеку от красного карлика Саркана. Через несколько часов они сели на Саркане II, планете сарканцев и паразитов-миигов.

В Угрюмии, крупнейшем городе на Саркане, встречать их было некому – все население уже перебралось на каникулы в курортный городок Малый Таз, потратив на это немалые деньги, несмотря на предоставляемые группам отдыхающих скидки, и там, сидя в разноцветных хижинах, дожидалось избавления планеты от паразитов.

Партнеры прогулялись по Угрюмии, но глинобитные здания не произвели на них впечатления. Лагерь они разбили за пределами города, на краю засаженного сауникой поля, где своими глазами убедились в том, что сарканец волновался не зря: многие кочаны были сорваны, выдраны, рассечены, разодраны на куски и разбросаны по полю.

Работу партнеры решили начать с утра. Арнольд вычитал в справочнике, что мииги весьма чувствительны к действию папаина – фермента, содержащегося в папайе. Если опрыскать миига раствором папаина с концентрацией всего двадцать частей на миллион, он впадает в кому, и спасти его может лишь немедленно наложенный холодный компресс. Неплохой способ, особенно если вспомнить, сколько в Галактике напридумано куда менее приятных вариантов убийства. Партнеры привезли с собой такой запас консервированной, свежей, замороженной и сушеной папайи, что его хватило бы для уничтожения миигов на нескольких планетах.

Они поставили палатки, разожгли костер, уселись на складные стулья и стали любоваться, как красное солнце Саркана опускается в скульптурный фриз закатных облаков.

Едва они покончили с ужином из консервированных бобов с острым соусом, как рядом в кустах что-то зашуршало и оттуда осторожно вышел маленький зверек, очень похожий на кота, только с густым оранжево-коричневым мехом.

– Как думаешь, это, случайно, не мииг? – спросил Грегор Арнольда.

– Конечно же я мииг, – подтвердил зверек. – А вы, господа, из Межпланетной очистительной службы «Асс»?

– Совершенно верно, – ответил Грегор.

– Отлично! Значит, вы прилетели, чтобы расправиться с сарканцами!

– Не совсем так, – возразил Арнольд.

– Вы хотите сказать, что не получили нашего письма? Ведь я же знал, что его нужно было отправить Галактической экспресс-службой... Но тогда почему вы здесь?

– Гм... я немного смущен, – признался Грегор. – Мы не знали, что вы, мииги, говорите по-английски.

– Не все, конечно. Но я, например, закончил Корнеллский университет.

– Послушайте, – сказал Грегор, – дело в том, что несколько дней назад к нам пришел сарканец и заплатил за то, чтобы мы очистили планету от паразитов.

– Паразитов? И кого же он здесь назвал паразитами?

– Вас, – сообщил Арнольд.

– Меня? Нас? Паразитами? Сарканец нас так назвал? Да, у нас есть кое-какие разногласия, но такое переходит всяческие границы! И он заплатил, чтобы вы нас убили? И вы взяли его деньги?

– Если честно, – пробормотал Арнольд, – то мы представляли себе миигов более... примитивными. Обыкновенными вредителями, если вы знаете, о ком идет речь.

– Какая нелепица! – воскликнул мииг. – Это *они* паразиты и вредители! А *мы* – цивилизованные существа!

– А я в этом не совсем уверен, – заявил Грегор. – Зачем вы в таком случае портите кочаны сауники?

– На вашем месте я бы не стал невежественно судить о религиозных обрядах иноземцев.

– Что может быть религиозного в потрошении кочанов? – фыркнул Арнольд.

– Суть не в самом действии, – пояснил мииг, – а в неразрывно связанном с ним смысле. С тех пор как мииг Гх’тан, которого мы называем Великий Кошак, открыл, что простой акт раздиранья кочана вызывает необыкновенное просветление сознания, мы, его последователи, ежегодно совершаем этот ритуал.

– Но ведь вы портите урожай сарканцев, – резонно заметил Грегор. – Почему бы вам не выращивать для ритуала свою саунику?

– Сарканцы, исповедуя свою дурацкую религию, не позволяют нам выращивать саунику. Разумеется, мы предпочли бы рвать свои кочаны. Кто на нашем месте пожелал бы иного?

– Сарканец про это ничего не говорил, – сказал Арнольд.

– Теперь дело представляется в ином свете.

– Но не меняет того факта, что у нас с сарканцами заключен контракт.

– Контракт на убийство!

– Я понимаю ваши чувства и весьма вам симпатизирую, – сказал Арнольд. – Но, видите ли, если мы нарушим контракт, то наша фирма обанкротится. А это, знаете ли, тоже нечто вроде смерти.

– А если мы, мииги, предложим вам новый контракт?

– Но первыми его с нами заключили сарканцы, – возразил Грегор. – И ваш контракт не будет иметь юридической силы.

– Любой суд миигов признает его абсолютно законным, – сказал мииг. – В основу юриспруденции миигов положен тот принцип, что любой контракт с сарканцем никого ни к чему не обязывает.

– Нам с партнером необходимо подумать, – заявил Арнольд. – Мы оказались в весьма щекотливой ситуации.

– Я ценю ваш поступок и предоставляю вам возможность все обдумать, – сказал мииг. – Не забывайте, что сарканцы заслуживают смерти и в случае согласия вы не только заработаете внушительную сумму, но и обретете вечную благодарность расы разумных и, как мне кажется, симпатичных котом.

– Давай лучше отсюда смотаемся, – предложил Грегор, едва мииг ушел. – Такой бизнес мне не по душе.

– Но мы не можем просто так взять и улететь, – возразил Арнольд. – Неисполнение контракта – штука серьезная. Так что придется нам уничтожить или одну расу, или другую.

– Только не я!

– Ты, кажется, не понимаешь, в какой опасной – юридически опасной – ситуации мы оказались, – начал втолковывать Арнольд. – Если мы не прихлопнем миигов, что обязались сделать по контракту, то любой суд нас по стенке размажет. Но если мы уничтожим сарканцев, то, по крайней мере, сможем прикинуться, будто попросту ошиблись.

– Тут возникают моральные сложности. А я их терпеть не могу.

– Сложности только начинаются, – произнес сзади чей-то голос.

Арнольд подскочил, словно уселся на оголенный провод под напряжением. Грегор напряженно застыл.

– Я здесь, – добавил тот же голос.

Партнеры обернулись, но не увидели никого – если не считать кочана сауники, одиноко торчащего возле их лагеря. Как ни странно, но этот кочан показался им разумнее большинства других, которые им довелось увидеть. Но разве он способен разговаривать?

– Вот именно, – подтвердил кочан. – Это я говорил. Телепатически, конечно, поскольку овощи – и я горжусь своей принадлежностью к ним – не имеют органа речи.

– Но овощи не могут общаться телепатически, – возразил Арнольд. – У них нет мозга или другого подходящего для телепатии органа. Извините, я не хотел вас обидеть.

– Нам не нужны никакие органы, – заявил кочан. – Разве вам не известно, что любая материя с достаточно высокой степенью организованности обладает разумом? А способность к общению есть неотъемлемое следствие разумности. Лишь высшие овощи вроде нас способны к телепатии. Разумность сауники изучали в вашем Гарвардском университете. Нам даже присвоен статус наблюдателей при Совете объединенных планет. При подобных обстоятельствах, как мне кажется, нам еще следует обсудить, кого именно на этой планете следует уничтожить.

– Верно, так будет по-честному, – согласился Грегор. – В конце концов, именно из-за вас грызутся мииги и сарканцы.

– Если точнее, то они сражаются за исключительное право рвать, калечить и унижать нас. Или я в чем-то преувеличиваю?

– Нет, суть сформулирована совершенно верно, – подтвердил Грегор. – Так от кого из них вы желаете избавиться?

– Как и следует ожидать, никто из них не пользуется моей симпатией. Обе расы – презренные паразиты. Я предлагаю совершенно иное решение.

– Этого я и опасался, – вздохнул Арнольд. – Так чего вы хотите?

– Нет ничего проще. Подпишите со мной контракт, предусматривающий избавление моей планеты и от миигов, и от сарканцев.

– О нет! – простонал Грегор.

– В конце концов, мы самые древние обитатели планеты, потому что возникли вскоре после лишайников, задолго до появления животных. Мы – миролюбивые коренные жители, которым угрожают пришельцы-варвары. По-моему, ваша моральная обязанность совершенно ясна.

– Мораль, конечно, вещь прекрасная, – вздохнул Арнольд. – Но следует учитывать и прозу жизни.

– Я это прекрасно понимаю. Вы получите удовлетворение, сделав доброе дело, к тому же мы готовы подписать контракт и заплатить вам вдвое больше, чем предложили они.

– Знаете, – заметил Арнольд, – мне как-то с трудом верится, что у овоща может быть счет в банке.

– Разумное существо, какую бы форму оно ни имело, всегда способно заработать деньги. Действуя через нашу холдинговую компанию «Развлекательные модальности сауники», мы выпускаем книги и записи, а также составляем базы данных на всевозможные темы. Свои знания мы телепатически вкладываем в мозги авторов на Земле, а за работу платим им неплохие авторские. Особенно большую прибыль нам приносят материалы по сельскому хозяйству: только овощ может быть настоящим экспертом по садоводству. Полагаю, вы найдете состояние наших финансовых дел просто блестящим.

Кочан сауники откатился в дальний конец поля, чтобы дать партнерам возможность поговорить. Когда он удалился ярдов на пятьдесят – за пределы дальности телепатического общения, – Арнольд сказал:

– Не нравится мне эта капуста. Уж больно она умна, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Вот-вот. И у меня создалось впечатление, что сауника пытается что-то доказать, – согласился Грегор. – Да и тот мииг... тебе не показалось, что он в чем-то хитрит?

Арнольд кивнул:

– Да и сарканец, втянувший нас в эту историю... совершенно беспринципный тип.

– После такого краткого знакомства очень трудно решить, какую же из рас следует уничтожить. Жаль, что мы знаем о них так мало.

– Знаешь что? Давай уничтожим кого угодно и покончим с этим делом. Вот только кого?

– Бросим монетку. Тогда нас никто не упрекнет в предвзятости.

– Но нам нужно выбрать одно из трех.

– Давай тянуть соломинки. Что нам еще остается?

Едва он произнес эти слова, со стороны недалеких гор донесся чудовищный раскат грома. Лазурное небо зловеще потемнело. На горизонте вспухли мощные кучевые облака. Они быстро приближались. Под чашей небес раскатился грохочущий голос:

– Как мне все это обрыдло!

– О господи, мы опять кого-то оскорбили! – ахнул Грегор.

– С кем мы разговариваем? – спросил Арнольд, задрал голову.

– Я голос планеты, которую вы называете Саркан.

– Никогда не слыхал, что планеты умеют говорить, – пробормотал Грегор, но существо – или кто бы то ни был – услышало его слова.

– Как правило, – пояснил голос, – мы, планеты, не утруждаем себя общением со всякими копошащимися на нашей поверхности козявками. Нам достаточно своих мыслей и взаимного общения. Время от времени бродячая комета приносит новости издалека, и этого нам вполне хватает. Мы стараемся не обращать внимания на всякую чушь, происходящую на поверхности, но иногда наше терпение лопается. Населяющие меня кровожадные сарканцы, мииги и сауники настолько охамели, что больше я их терпеть не собираюсь. Я намерена прибегнуть к решительным и давно назревшим действиям.

– И что вы собираетесь сделать? – спросил Арнольд.

– Затоплю всю сушу метров на десять и тем самым избавлюсь от сарканцев, миигов и сауники. Да, при этом пострадают несколько ни в чем не повинных видов других существ, но такова жизнь, в конце концов. У вас есть час, чтобы убраться отсюда. Потом я не отвечаю за вашу безопасность.

Партнеры быстро упаковали вещи и перебрались на корабль.

– Спасибо за предупреждение, – сказал Грегор перед стартом.

– Только не воображайте, будто вас я считаю лучше прочих. Насколько мне известно, вы такие же паразиты, как и мои обитатели. Но паразиты с другой планеты. И если узнают, что я вас прикончила, сюда заявятся другие существа вашего вида с атомными бомбами и лазерными пушками и уничтожат меня как бродячую планету. Так что уматывайте, пока я в хорошем настроении.

Несколько часов спустя, уже из космоса, Арнольд и Грегор своими глазами увидели, какая жуткая судьба постигла обитателей планеты. Когда все кончилось, Грегор взял курс на Землю.

– Полагаю, – сказал он Арнольду, – нашей фирме конец. Мы не выполнили условия контракта. Адвокаты сарканцев сотрут нас в порошок.

Арнольд, внимательно читавший контракт, посмотрел на Грегора:

– Нет. Как ни странно, но, по-моему, мы чисты как стеклышко. Прочти последний абзац.

Грегор прочитал и почесал макушку:

– Я понял, что ты имеешь в виду. И ты думаешь, что это удовлетворит судей?

– Конечно. Наводнения всегда считались стихийными бедствиями, божественной волей.

И если мы промолчим, а планета не проболтается, то никто и не узнает, как все было на самом деле.

Бремя человека

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

– А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

– Как же, как же, старик, – в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид Шанс, как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислорода. Была там и вода – бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного полезного тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диоров, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

– Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

– Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала под его руками. Месяц проходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

– Хозяин, человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к человеку. Их ответы раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

– Со мной все в порядке, Ганга-Сэм, – ответил он.

– Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле – простите, что я осмелился вам это сказать.

– Пустяки, не имеет значения.

– И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

– Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место, – ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он

вздыхнул и сказал: – Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

– Вы взвалили на себя слишком тяжелое бремя человека.

– Это я и сам знаю! – И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. – Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

– Это потому, что у нас нет души.

– У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

– Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! – предложил Ганга-Сэм и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид Шанс находился в Троицкой системе, пожалуй самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летних дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондисона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние – деньги, а деньги – как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколотить из своего Шанса.

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку рома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

– Глупые вы машины! – говорил он роботам. – Человеческий босс – он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы человек наставлял их своим примером. Бог ведь к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог компании «Рэбек-Уорд».

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

НЕВЕСТЫ – ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному бремя человека! «Рэбек-Уорд» впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбек-урдовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга-колонист.

Рэбек-урдовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация) – на любой вкус. По получении вашего запроса «Рэбек-Уорд» вышлет вам свежемороженый экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту сегодня же!

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

– Как раз то, что нам требуется, эфенди, – сказал старший робот.

– Ты думаешь? – Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате. – Но ведь я не предполагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли мне она?

– Человеку-мужчине положено иметь человека-женщину.

– Согласен, но...

– Неужто они заодно не пришлют свежемороженого священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расплзлась довольная усмешка.

– Ганга-Сэм, – сказал он, – ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий на обряд, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника – дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

– Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта человек-женщина, хозяйка?

– Не ваше дело, – отвечал Ганга-Сэм. – Это дело человека. Вам, роботам, лучше не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколочки решительно не по нему. Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подружкой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, кроить, шить и варить варенье...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амуре IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

– Ваша нареченная, сэр! – ликовали они, подкидывая на ладонях масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясушимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

– Э-э-это еще что?! – воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платье, на котором золотыми нитками было вышито ее имя – Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных условиях, и бело-снежная кожа – под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки – изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог «Рэбек-Уорд». Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот! И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

– А где же пальмы? – спросила она.

– Пальмы?..

– Разумеется. Мне говорили, что на Сиригаре-пять растут пальмы.

– Так это же не Сиригар-пять, – ответил Флэзвелл.

– Как, разве вы не паша де Шре? – ахнула Шейла.

– Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

– Ну и ну! Разве я на нее похожа? – огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. – Я – модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сиригар-пять.

– Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе, – угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.

– Но вы ведь можете устроить, чтоб меня переправили на Сиригар-пять?

– Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон, – сказал Флэзвелл. – Но я извещу «Рэбек-Уорд» об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечиком.

– Путешествия расширяют кругозор, – заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

– При сложившихся условиях, – сказал он, со своей самой располагающей улыбкой, – ничто не мешает нам стать друзьями.

– При каких это условиях?

– Просто мы единственные люди на всем астероиде. – И он слегка прикоснулся к ее плечу. – Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

– Что вам здесь нужно? – спросил Флэзвелл.

– Я – брачующий робот, – сказал робот. – Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией «Рэбек-Уорд» к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника, пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

– Наглый холуй, проклятый робот! – чертыхнулся Флэзвелл.

– А чего же вы ждали? – спросила Шейла. – Уж не свежемороженого ли священника?

– Конечно нет! Но согласитесь, робот-дуэнья...

– Лучшей и быть не может! – запротестовала она. – Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

– Вы так думаете?

– По крайней мере, так говорят, – ответила Шейла, скромно потупившись. – Да и согласитесь, нареченная невеста паши де Шре не может путешествовать без охраны.

– Возлюбленные чада, – загнул робот нараспев, – мы собрались здесь, чтобы соединить...

– Не сейчас, – надменно оборвала его Шейла. – И не с этим...

– Я поручу роботам приготовить для вас комнату! – прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет бремени человека.

Он послал радиogramму в «Рэбек-Уорд», и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.

На Шансе опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол – разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к бефстроганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на Шансе Флэзвелл стойчески обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на Шансе наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом – на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбек-уордовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

– Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

– Чего изволите? – отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

– Мне сейчас, как никогда, необходима ваша роботовская интуиция, – продолжал Флэзвелл. – Она себя совсем неплохо показала – верно, Ганга-Сэм?

– Человек-женщина взяла на себя свою, положенную ей долю бремени человека.

– Да, так оно и есть. Вопрос – на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем образцовая пограничная жена. Стряпает, заготавливает консервы...

– Рабочие ее любят, – сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. – Вы и не знаете, сэр, когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

– Возможно ли? – воскликнул потрясенный Флэзвелл. – Девушка из хорошего дома, одно слово – модель «люкс»...

– Не важно, она – человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя бремя человека.

– А знаешь... – сказал Флэзвелл с запинкой. – Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей – пусть остается. И аннулирую свой заказ «Рэбеку».

В глазах робота вспыхнуло странное выражение – почти смех. Он низко поклонился и сказал:

– Все будет, как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее в медпункте, устроенном на бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

– Шейла, – сказал Флэзвелл, – мне надо с вами поговорить.

– Ладно, – отозвалась она рассеянно, – вот только закреплю болт. – Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом. – А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на большую ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг человека-женщины, приговаривая:

– Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

– Они совсем как дети! – сказал Флэзвелл.

– Их нельзя не любить, – подхватила Шейла. – Веселые, беззаботные...

– Но у них нет души, – напомнил Флэзвелл.

– Да, – отозвалась она, сразу посерьезнев. – Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

– Я хотел вам сказать...

Тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

– Давайте уйдем отсюда, – сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

– Вот что я хотел вам сказать, – начал Флэзвелл. – Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность – все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоились трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

– Все ли? – вкрадчиво спросила Шейла.

– По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун-ветер шелестел в гигантских, искусственно выращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

– Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилося, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

– Шейла...

– Да, Эдвард?..

– Возлюбленные чада! – пролаял скрипучий металлический голос. – Мы собрались здесь, чтобы...

– Опять вы не вовремя, болван! – разгневалась Шейла.

Брачующий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

– Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то попробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу – а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

– Наглый холуй, проклятый робот! – чертыхнулся Флэзвелл.

– Не сочтите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

– Нет! – грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

– Терпеть не могу, когда робот забывается! – сказал Флэзвелл. – Но это уже не имеет значения!

– Что не имеет значения?

– Да, – сказал Флэзвелл убежденно, – вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

– Нет! – сказала Шейла.

– Нет? – повторил озадаченный Флэзвелл.

– Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

– Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

– Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! – воскликнула она, выпрямившись во весь рост. Волосы ее растрепались, глаза метали молнии. – И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар-пять, там мой нареченный-паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она – бледная от гнева, он – красный от смущения.

– Ну как, прикажете начинать? – осведомился брачующий робот. – Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

– Ничего не понимаю! – плакался робот. – Когда же мы наконец сотворим обряд?

– Обряда вообще не предвидится, – оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипит от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультралюкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

– Вот они, женщины! – бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

– Чего изволите? – откликнулся Ганга-Сэм.

– Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал – она метит здесь остаться. Я-то думал...

– Душа мужчины темна и смутна, – сказал Ганга-Сэм. – Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой женщины.

– Откуда это у тебя? – спросил Флэзвелл.

– Старая поговорка роботов.

– Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

– О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по роботехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

– Мудрое указание, – сказал Флэзвелл, – не мешало бы подумать об этом и в отношении людей. Ну да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

– Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел:

– Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

– Надо думать.

– А Шейлу увезет на Сиригар?

– Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

– Ладно-ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

– Желаю вам счастья, Эдвард, – сказала она. – Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

– Пойду, – сказала Шейла. – Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не сопротивлялась, да и брачующий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было, словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:

– Вот так так! – Флэзвелл дважды кашлянул. – Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

– Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! – сказала она. – Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачующий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

– Вот уж действительно! Даже не верится! – восклицал брачующий. – Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на работа.

– Что случилось? – спросил Флэзвелл.

– Этот ваш мастер сидел у меня на заливке, – пожаловался брачующий, – а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой «Рэбек-Уорд»!

– Что же это ты, Ганга-Сэм? – спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачующий тем временем бросился к Шейле:

– Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

– Нет-нет, все обошлось, – выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

– Это все я натворил, босс, сэр, – повинился Ганга-Сэм. – Каждому известно, что мужчина и женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении человеческой расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

– Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О господи...

– Что случилось? – испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

– Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

– Не беспокойся, – рассмеялась Шейла. – В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

– Неужели?

– В том-то и дело! – Она смущенно потупилась. – Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

– Не рассержусь, – обещал он. – Только объясни мне...

– Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там – просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот, – выпалила она залпом, – упростила его послать меня сюда.

– А как же паша де Шре?

– Я его выдумала.

– Но зачем? – развел руками Флэзвелл. – Ты так красива...

– ...что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного развратного идиота, – подхватила она с горячностью. – А я этого не хочу, Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

– Лучше! – сказал он.

– Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

– Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударилась в слезы.

– Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

– Что я и сделал, – заключил он, утирая ей слезы. – Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история – счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

– А разве не случайность? – спросил Флэзвелл.

– Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что человеку-мужчине требуется красивая человек-женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мэм-саиб Шейла – дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упростила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

– Разрази меня гром! – наконец выдал из себя Флэзвелл. – Я всегда говорил – никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? – обратился он к Шейле.

– Мои платья, мои безделушки, моя обувь, моя косметика, мой парикмахер, мой...

– Но...

– Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цитера-пять всего в пятнадцати летних днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

– Пора! – приказала Шейла, повернувшись к брачующему роботу.

Робот не отвечал.

– Пора! – прикрикнул на него Флэзвелл.

– А вы уверены? – хмуро спросил робот.

– Уверены! Начинайте!

– Ничего не понимаю! – пожаловался брачующий. – Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я – единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати – двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной жены, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера – по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну а роботы продолжали выдавать на-гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили друг с другом бремя человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками, Рэбеком и Уордом. Но Шейла – та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

Ловушка

Сэмиш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спеши, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмиш, старый дружище. Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но они не такие глупые, как кажутся. Я начинаю убеждаться, что толщина жгутика – не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмиш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью коттеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался на цыпочках наружу – взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом, подошел к двери.

– В первый день отпуска всегда льет как из ведра, – констатировал он. – Закон природы.

– Сегодня может хорошо клевать форель, – заметил Дэйли.

– Это ее личное дело, – без особого восторга отозвался Турстон. – На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие сутуловатые плечи дорогие парки, которые можно было носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающе изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишнего веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочкой и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь отнюдь не на серых и бурых медведей и горных оленей, а на отдыхающих девушек.

Подобного рода времяпрепровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загорелыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

– Ну что ж, ром так ром, – охотно согласился Дэйли. – А это что? – Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой:

– Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛОВУШКА».

– Где ты купил это? – недоуменно спросил Турстон.

– Я ничего не покупал. – Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешно отодрал его и прочитал:

«Дорогой друг!

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам эту модель *абсолютно бесплатно!* Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете *точно* соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

– Занятная вещица, – проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт. – Думаешь, ее подбросили ночью?

– Какая разница? – пожал плечами Турстон. – У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

– Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился:

– Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким бараклом: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

– Никогда не видел таких ловушек, – задумчиво пробормотал Дэйли. – А какая реклама! Знали, куда подбросить...

– В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки, – цинично заверил Турстон. – Все рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилегающей цепью к ближайшему дереву. Нажатием *кнопки один*, расположенной у основания, включите ловушку. Через пять секунд нажмите *кнопку два*. Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите *кнопку три*, отключающую ловушку, откройте крышку и достаньте добычу.

ВНИМАНИЕ! Открывать ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расчленения и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

– Чего только не выдумают люди! – восхищенно воскликнул Дэйли.

– Завтрак готов! – позвал Турстон.

– Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в крикливую спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением воззрелся на ловушку:

– Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

– Конечно. Может, мы поймаем лису.

– Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

– Отпустим, конечно, – не раздумывая, ответил Дэйли. – Главное – поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерцала. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцая, спокойно стояла возле сосны.

– Пойдем, – не выдержал Турстон. – Яйца уже наверняка остыли.

Дэйли неохотно последовал за ним и, дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэмиш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетоид разваливается на глазах! Ты мой старинный друг, Сэмиш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрегель. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетоиду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического расчленения. Турстон упорствовал, что такого не существует. Закончив мытье посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

– Смотри! – крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое – какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо щелкало клешнями, похожими на клешни омара.

– Все, хватит, никакого рома до завтрака, – отрубил Турстон и нерешительно добавил: – Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекосялся:

– Брр!

– А вдруг это новый вид? – глубокомысленно изрек Дэйли.

– Новый вид кошмара! Может, поедем в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

– Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

– *Его держать?*

– А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

– Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? И потом, от него наверняка скверно пахнет... – Набрав воздуха, он продолжал: – К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся:

– Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль Форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка – просто еще один блистательный пример американского технического прогресса!

– Я сам сторонник прогресса! – вспыхнул Турстон. – Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

– Да, – задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы. – Так и будет.

– Что?

– Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и снова запустим ловушку.

Глухо застонав, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэмиш? Неужели ты не ощущаешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как много от тебя зависит? Подумай о своем старом друге! Подумай о гладкокожей Фрегель, ради которой я и затеял эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку, которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду. Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки, с какой целью – ума не приложу. Эти алчные люди хранят все, что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки, сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри каждой из клеток сидело по существу.

– Фу, – поморщился Турстон, – и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча – тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По соседству разместилась птица с тремя парами покрытых чешуей крыльев. В третьей клетке находилось нечто напоминающее змею с головой на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусочками мяса, нашинкованными овощами, травой – все это оставалось нетронутым.

– Они совсем ничего не едят, – пожаловался Дэйли.

– Совершенно очевидно, что они больны, – настаивал Турстон. – Возможно, они бациллоносители. Может, выкинем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

– Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

– О чем?

– О славе. Чтобы твое имя повторяли через века?

– Я деловой человек, – с достоинством ответил Турстон. – Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обанкротился.

– Так никогда и не мечтал?

Турстон смущенно улыбнулся:

– Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

– Эти существа, – назидательно произнес Дэйли, – уникальные! Мы подарим их музею.

– Ну и что? – заинтересовался Турстон.

– Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли – Турстоном!

– Они могут даже назвать их нашими именами, – неожиданно размечтался Турстон. – Мы же их поймали!

– Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

– Гм... – Турстон глубоко задумался. – Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит Музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

– Я думал не просто о выставке, – прервал его Дэйли. – Я думал об открытии галереи – галереи Дэйли – Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

– Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

– Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На этот раз в ловушке судорожно билось существо фута в три длиной, с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкообразным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

– Остальные были поспокойнее, – заметил Турстон. – Возможно, эта тварь поопаснее.

– Мы запутаем ее сеть, – решил Дэйли. – Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в Музей естественной истории:

ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ ЗПТ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ.

Затем по настоянию Турстона он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помешанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенным их видами в глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расчленения, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

– Адирондак исследован вдоль и поперек, – робко возразил Турстон.

– Как видишь, все же недостаточно, – отрезал Дэйли.

Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

Я тебя еле-еле слышу, Сэмиш. Попробуй усилить сигнал. А еще лучше – прибудь сюда сам. Что толку переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Сэмиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой.

В соответствии с планом я позвал ее поползать в саду. Она была очень довольна.

– Скажи мне, дорогой, – заговорила она, – тебя что-то мучает в последнее время?

– Угу, – ответил я.

– Ты меня разлюбил?

– Нет, дорогая, – сказал я. – Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но, увы, я собираюсь обзавестись новой подругой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутиками. Потом воскликнула:

– Это Фрегль!

– Да, – подтвердил я, – славная Фрегль согласилась делить со мной жилище.

– Но нас же обручили на всю жизнь!

– Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Сэмиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошнило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегль!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функционирует в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэмиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избороздили следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшей суеты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

– Что случилось с этой дурацкой штукой? – Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

– Может быть, она уже все выловила? – предположил Турстон.

– Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом – больше ни одного?

Он опустился перед ловушкой на колени и громко произнес:

– Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

– В какой-то степени их можно понять, – осторожно сказал Турстон.

– Черта с два! Обвинить меня в мошенничестве! Ты слышал, как они издевались, Том?

Они спрашивали, как мне удалось проделать пересадку кожи.

– Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея, – вздохнул Турстон. – Это и впрямь показалось подозрительным.

– Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи? Проклятые газетчики... Послушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих остолопов?

– Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных, – пытался успокоить друга Турстон. – Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

– Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

– Они просто не слышали о такой системе, – угрюмо промолвил Турстон. – Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

– Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! – Дэйли включил и активировал ловушку и принялся ее пристально рассматривать. Внезапно он откинул крышку, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль: – Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

– Да нет же, успокойся, она на месте, – заверил Турстон.

Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

– Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

– Хорошо-хорошо, – поспешно согласился Турстон. – Конечно исчезла. Послушай, дружище, прошвырнемся в Лейк-Плэсид? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже – и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

– Теперь ясно, как она работает, – провозгласил он. – Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

– А где?

– Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музейным крысам нужны доказательства? Они меня обзывали лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

– Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону.

– Пожелай мне успеха!

– Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэмиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все, что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в развалинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэмиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?! Одумайся, дружище! А наша дружба?..

Билет на планету Транай

Чудесным июньским днем высокий, худошавый, сосредоточенный, одетый в строгом стиле молодой человек вошел в офис агентства «Транскосмические путешествия». Миновал, не удостоив даже косым взглядом, аляповатый туристический постер с рекламой марсианского праздника урожая. Огромная панорамная фотография с пляшущими лесами Триганиума тоже не привлекла его внимания. Оставили равнодушным и романтические ритуалы встречи солнца на Опиуче II. Посетитель задержался только у стойки продавца билетов.

– Мне нужно на Транай, – сказал молодой человек.

Агент закрыл книгу «Необходимые изобретения» и нахмурился:

– Транай, Транай... Это не один ли из спутников Кента-четыре?

– Нет, – ответил посетитель. – Транай – планета, обращающаяся вокруг одноименного солнца. Я хочу купить билет на рейс до нее.

– Никогда не слышал. – Агент придвинул к себе звездный каталог, упрощенную карту неба и справочник по коротким космическим маршрутам. – Гм... – сказал он наконец. – На этой работе каждый день узнаешь что-нибудь новенькое. Значит, вам нужен билет до Траная, мистер...

– Гудмен. Марвин Гудмен.

– Гудмен. Похоже, этот ваш Транай у черта на куличках, хоть и в пределах Млечного Пути. Туда, вообще-то, никто не летает.

– Я в курсе. Так вы поможете мне до него добраться? – Как ни старался Гудмен скрыть волнение, его выдал напряженный голос.

Агент отрицательно покачал головой:

– Это не в моих силах. Даже чартерных рейсов нет – слишком далеко.

– Помогите долететь хотя бы до...

– Потянуло на приключения? – перебил агент, успевший отметить вовсе не атлетическое телосложение собеседника и его интеллигентскую сутулость. – Разрешите предложить Африканус-два, первобытный мир, где хватает и диких племен, и саблезубых зверей, и папоротников-людоедов, и активных вулканов, и птеродактилей, и всего прочего в том же роде. Через каждые пять дней туда отправляется экспедиция из Нью-Йорка, чтобы совместить запредельный риск с абсолютной безопасностью. Вы обязательно привезете домой голову динозавра – либо получите деньги назад.

– Транай, – повторил Гудмен.

При виде его упрямо поджатых губ и бескомпромиссно блестящих глаз клерк одобрительно хмыкнул:

– Должно быть, вы устали от строгих земных порядков, от пуританских запретов. Так отправьтесь же на Альмагордотри, жемчужину пояса Южная Гряда. Десятидневный тур, все включено, вплоть до экскурсий на два винокуренных завода и зинталовую фабрику, где вы сможете с феноменальными скидками купить настоящие зинталовые пояса, обувь и книжки карманного формата. На Альмагордо очень красивые, жизнерадостные и восхитительно наивные девушки, для них турист – самый высший и желанный тип человеческого существа. Кроме того...

– Транай, – отчеканил Гудмен. – Как можно ближе к нему.

Клерк нахмурился и достал кипу билетов:

– На «Королеве созвездия» можно долететь до Легисадва, а там пересесть на «Блеск Галактики», который доставит вас на Уме. Дальше вас повезет космолет местных линий, с остановками на Маханге, Панканге, Лекунге, Инчанге и Устрице, до Тунг-Брадара-четыре, если только не сломается в пути. Оттуда чартером вы минуете Галактический Вихрь – при условии,

что он позволит себя миновать, – и попадете на Алумсриджию, а затем почтовое судно позволит вам достичь Беллисморанти. Надеюсь, почтовые суда там все еще курсируют. В совокупности это будет полпути. Как вам преодолеть вторую половину, я подсказать не возьмусь.

– Отлично, – заключил Гудмен. – Вы можете оформить все необходимые документы до обеда?

Клерк кивнул и в отчаянии спросил:

– Мистер Гудмен, что же собой представляет этот ваш Транай, куда вы так рветесь?

– Утопию, – с блаженной улыбкой ответил молодой человек.

Почти всю свою жизнь Марвин Гудмен провел в Сикерке, штат Нью-Джерси. Без малого полвека городком управляли сменявшие друг друга политики. Обыватели в массе своей равнодушно относились к коррупции во власти, полиции и судах, к азартным играм, гангстерским войнам и подростковому пьянству. Привыкли они к необратимому разрушению дорог, прорывам гнилых водопроводных труб, обвалам ветхих зданий – в то время как сильные мира сего строили для себя дома все выше, плавательные бассейны – все длиннее, конюшни – все теплее. Да, население с этим смирилось.

Но не смирился Гудмен.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи (ни одна из которых не была опубликована), слал в конгресс письма (так никем и не прочитанные), голосовал за честных кандидатов (неизменно проигрывавших выборы) и даже основал Лигу развития гражданского общества, союз «Народ против гангстеризма», Общественное движение за честную полицию, Ассоциацию противников азартных игр, Комитет по борьбе за равные профессиональные возможности для женщин и еще десяток подобных организаций.

Результат был нулевой – апатичное население городка не восприняло ни одну из этих благих инициатив. Политики просто смеялись над Гудменом, а он был не из тех, кто легко сносит насмешки. И будто мало накопилось неприятностей, его бросила невеста, предпочтя шумного парня в ярком спортивном пиджаке, совершенно ничем не выдающегося, если не считать контрольного пакета акций «Строительной корпорации Сикерка».

И это был сокрушительный удар. Кажется, девушку не смутил даже тот факт, что содержание песка в плитах и блоках СКС многократно превышало норму, а между арматурой и бетоном легко пролезал палец. «Ну и что с того? – парировала она. – Смирись, Марви, так уж устроен мир. Пора тебе стать реалистом».

Но это не входило в намерения Гудмена. Чинить разбитое сердце он отправился к Эдди, в бар «Лунный свет», чтобы одновременно с употреблением крепких напитков поразмыслить о преимуществах одинокой жизни в шалаше посреди зеленого венерианского ада.

И тут в бар вошел старик – прямой как жердь, с ястребиными чертами лица. По скованной гравитацией походке, по бледной, в пятнах радиационных ожогов коже, по пронзительному, будто вдаль устремленному взгляду серых глаз Гудмен безошибочно опознал бывшего звездолетчика.

– Налей-ка мне, Сэм, «Особого транайского», – обратился к бармену космический волк.

– Секундочку, капитан Сэвидж.

– «Транайского»? – против воли шепнул Гудмен.

– Да, сынок, «Транайского». Что, никогда не слышал о Транае?

– Нет, сэр, – честно ответил Гудмен.

– Ладно, сынок, – сказал капитан Сэвидж, – я сегодня в разговорчивом настроении, так что ты сейчас услышишь сказ о благословенном Транае, о том, который за Галактическим Вихрем.

Глаза старого космонавта будто дымком подернулись, и улыбка смягчила суровую линию его рта.

– В те суровые времена космос бороздили стальные корабли, и в них сидели железные люди. Чтобы набить трюмы терганиумом, мы с Джонни Каванофом и Лягушкой Ларсеном готовы были лететь хоть в преисподнюю. Да мы бы самого Вельзевула зашанхаили и заставили палубу драить, возникни в команде нехватка людей. Космическая малярия в ту пору валила каждого третьего, на межзвездных трассах часто появлялся призрак Большого Дэна Макклинтока, а на астероиде Триста сорок два АА, в гостинице «Красный петух», хозяйничала Молл Ганн, заламывая пятьсот земных долларов за кружку пива и получая их, потому как кругом на десять миллиардов миль у нее не было конкурентов. Вдоль Звездной Гряды тогда озоровали «чесоточные клещи», а направлявшиеся к Проденгаму корабли были вынуждены преодолевать Отмашку Латной Рукавицы. В общем, сынок, ты запросто можешь представить, что я испытал в один прекрасный день, когда случайно наткнулся на Транай.

Как зачарованный слушал Гудмен повесть капитана о славных былых годах, о хрупких кораблицах на фоне чугунного неба – летящих вовне, только вперед, к далеким границам Галактики.

И там, на краю Великого Ничто, находится Транай.

Транай, где человеческие существа, нашедшие истинный путь, уже не прикованы к колесу бытия. Транай, на котором царят счастье, мир, созидание и изобилие. Транай, чьи жители не аскеты-богоискатели и не рафинированные интеллектуалы, а самые простые люди. Транай, достигший утопии.

Добрый час капитан Сэвидж расписывал бесчисленные чудеса и диковины Траная. А закончив рассказ, пожаловался на пересохшее горло, или, как он выразился, на вакуум в глобальном отсеке. Гудмен заказал «Особого транайского» и ему, и себе. Потягивая серо-зеленую экзотическую смесь, молодой человек предался мечтам.

Наконец он осторожно задал вопрос:

– Капитан, а почему вы вернулись?

Старик пожал плечами:

– Да замучила космическая подагра! Списали меня подчистую. Мы в то время, видишь ли, передовой медицины почти не знали.

– И где теперь работаете? – поинтересовался Гудмен.

– В «Строительной корпорации Сикерка», – вздохнул старик. – А ведь когда-то командовал пятидесятидюзовым клипером. Знаешь, из чего тут бетон делают?.. Ладно, к черту. Может, еще по одной за прекрасный Транай?

«Еще по одной» повторилось несколько раз. Когда молодой человек покидал бар, он уже видел выход из тупика. Где-то во Вселенной найден оптимальный образ жизни общества, там исполнилась древнейшая мечта человечества – мечта о совершенстве.

Ничто иное не устроило бы Марвина Гудмена.

Утром он уволился из компании «Роботы Восточного побережья», где трудился конструктором, и забрал из банка все свои сбережения.

Он решил лететь на Транай.

«Королева созвездия» довезла его до Легиса II, а «Блеск Галактики» – до Уме. Побывав на Маханге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Устрице – унылых захолустных мирках, – он высадился на Тунг-Брадаре IV. Без приключений миновал Галактический Вихрь и наконец добрался до Беллисморанти. Там кончалась земная власть.

За огромные деньги корабль местных линий отвез его на Двасту II. Оттуда на грузовозе Гудмен направился мимо Севеса, Олго и Ми к двойной планете Мванти. Там он застрял на три месяца, но время потратил с толком, пройдя гипнопедический курс транайского языка. Наконец удалось договориться с пилотом крошечного суденышка, которое доставило Гудмена на планету Динг.

На Динге его арестовали, приняв за хайгастомеритрейского шпиона, но ему удалось бежать и проникнуть на борт ракеты, возившей руду на г'Мори. На г'Мори пришлось лечь в больницу с обморожением, тепловым отравлением и поверхностными радиационными ожогами.

И все же наконец настал тот день, когда наш путешественник купил билет на последний рейс – прямой рейс до Траная.

Ему с трудом верилось, что корабль, проскользнув между спутниками Доу и Ри, совершил посадку в транайском космопорту.

Когда открылись шлюзы, Гудмен понял, что настроение у него далеко не радостное. Отчасти душевное опустошение можно было объяснить усталостью – путь ему достался не из легких. Но еще был внезапный страх: а вдруг идиллический Транай окажется вымыслом, как пресловутое Эльдorado? Поверить байке старого космонавта, пересечь всю Галактику – и встретиться с миражем? Кажется, пережить такое разочарование будет невозможно.

Он высадился. Город Порт-Транай выглядел довольно привлекательно: на улицах толпы людей, магазины набиты товарами. Встречные ничем не отличались от других обитателей населенных планет. Разве что женщины были гораздо красивее.

И все же присутствовала в этой картине некая странность, что-то неуловимое, но определенно неправильное. Нечто чуждое. Гудмен не сразу догадался, что его насторожило.

Оказывается, из десяти человек, попадающихся ему на глаза, девять – мужчины. И, что еще загадочнее, почти каждая женщина, судя по ее внешности, либо моложе восемнадцати, либо старше тридцати пяти.

А те, кому от восемнадцати до тридцати пяти, куда подевались? Им что, запрещено появляться на людях? Или их погубила какая-нибудь эпидемия?

Оставалось лишь надеяться, что со временем он узнает.

Гудмен направился в Идриг, здание, куда сходились все нити управления государством Транай, и попросил встречи с министром по делам иммиграции. Его приняли сразу.

В тесном кабинете царил беспорядок, на обоях синели подозрительные разводы. Сразу бросилась в глаза мощная винтовка с глушителем и оптическим прицелом – зловещее украшение стены. Задаться вопросом, что бы это значило, Гудмен не успел, поскольку с кресла при его появлении сорвался тучный жизнерадостный человек лет пятидесяти и энергично пожал ему руку.

На груди у министра висел медальончик с рельефным транайским гербом – молнией, дробящей кукурузный початок. Гудмен предположил, что это официальная печать министерства, и не ошибся.

– Добро пожаловать на Транай! – со всей сердечностью поприветствовал министр, сбрасывая со стула кипу бумаг и жестом предлагая Гудмену сесть.

– Господин министр... – заговорил Гудмен на деловом транайском.

– Ден Мелит меня зовут. Будь проще, сынок, зови меня Деном. У нас тут формальности не в чести. Клади ноги на стол и чувствуй себя как дома. Хочешь сигару?

– Нет, спасибо, – отказался несколько опешивший Гудмен. – Мистер... то есть Ден, я прилетел с Земли – вы, может быть, слышали это название.

– Ну а кто же не слышал? – хмыкнул Мелит. – Нервозный, суетный мирок... не в обиду будь сказано.

– Да какие обиды. Я ровно такого же мнения о своей родине. А сюда прибыл вот по какой причине... – Гудмен помедлил, надеясь, что его объяснения не покажутся смешными. – До меня дошли некоторые слухи о планете Транай, и, честно говоря, они показались преувеличенными. Хотелось бы узнать, если, конечно, вы не против...

– Задавай любые вопросы! – великодушно разрешил Мелит. – Отвечу как на духу.

– Благодарю. По моим сведениям, Транай вот уже четыреста лет не знает войн.

– Шестьсот, – поправил Мелит. – Их и не предвидится.

– Говорят, на Транае не совершаются преступления.

– Пока не было ни одного.

– А потому у вас нет органов правопорядка, всяких там судей, шерифов, приставов, палачей, инспекторов по делам несовершеннолетних, государственных следователей. Нет тюрем, исправительных домов и других мест заключения.

– Просто отсутствует необходимость в них, – пожал плечами Мелит.

– Еще я слышал, – продолжал Гудмен, – что Транай не знает бедности.

– Бедность? – хихикнул Мелит. – Это что еще за диво? Взял бы ты все-таки сигару...

– Спасибо, не хочу. – Взволнованный до крайности, Гудмен подался вперед. – Правда ли, что вам удалось создать стабильную экономику, не прибегая к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам?

– Так и есть, – подтвердил Мелит.

– И по факту у вас система свободного предпринимательства с упором на личную инициативу? А функции государственного управления сокращены до самого необходимого минимума?

Мелит кивнул:

– В сущности, мы решаем мелкие проблемы регулирования: заботимся о престарелых, украшаем ландшафты.

– Скажите, – задал Гудмен самый важный вопрос, – вы в самом деле научились распределять блага без вмешательства государства, даже без налогообложения? Неужели ваша методика основана только на личном выборе каждого индивидуума?

– Все обстоит именно так.

– Значит, капитан Сэвидж сказал правду! – воскликнул молодой человек, более не в силах сдерживать восторг. – Это действительно утопия!

– Нас устраивает, – скромно подтвердил Мелит.

Переведя дух, Гудмен спросил:

– А можно мне остаться?

– Почему нет? – Мелит достал из ящика стола бланк. – Здесь нет иммиграционных ограничений. Чем ты раньше занимался, можно узнать?

– В смысле, что я делал на Земле? Роботов конструировал.

– На Транае у тебя будет уйма возможностей применить профессиональные навыки. – Мелит уже что-то писал в анкете.

С пера сорвалась капля чернил, появилась клякса. Министр привычно запустил авторучкой в стену, и она разлетелась вдребезги, а на обоях образовалось новое синее пятно.

– Оформим документы как-нибудь в следующий раз, – сказал чиновник. – Сейчас я что-то не в настроении. – Он откинулся в кресле. – Сынок, позволь дать тебе доброе напутствие. Вот ты назвал Транай утопией, и мы, его жители, почти не видим тут разницы. Но я бы не сказал, что у нас высокоорганизованное государство. Сложное законодательство нам без надобности, достаточно соблюдать ряд неписаных правил – их даже можно назвать обычаями. Вскоре ты с ними познакомишься. Граждане всегда помогут тебе советом, но, разумеется, принуждать ни к чему не станут.

– Конечно, я буду слушать советы! – воскликнул Гудмен. – Поверьте, сэр, нарушать порядок в вашем раю я никоим образом не намерен!

– Да я не за наши порядки беспокоюсь, – с усмешкой объяснил Мелит, – а за твою безопасность. Впрочем, позову-ка я жену, пусть она тебе поподробнее растолкует.

Он втопил в стол большую красную кнопку. Тотчас возникла голубоватая дымка, она сгустилась, и через несколько секунд Гудмен увидел перед собой красивую молодую женщину.

– Доброе утро, дорогой, – сказала она Мелиту.

– Уже день, – поправил ее министр. – Милая, вот этот юноша проделал путь от самой Земли, чтобы поселиться на Транае. Я провел с ним обычный инструктаж. Что-нибудь еще мы можем для него сделать?

После недолгих размышлений госпожа Мелит спросила у Гудмена:

– Вы женаты?

– Нет, мэм.

– Коли так, надо подыскать ему девушку, – сказала мужу госпожа Мелит. – На Транае холостая жизнь не приветствуется, хотя, конечно, и не запрещается. Дай-ка подумать... Как насчет очаровательной малютки Дриганты?

– Она помолвлена, – сообщил Мелит.

– Правда? Я что, так долго пробыла в стазисе? Дорогой, с твоей стороны это неблагоприятно.

– Дел было по горло, – повинулся Мелит.

– А Мина Венсис?

– Не его тип женщин.

– Жанна Влей?

– То, что надо! – Мелит подмигнул Гудмену. – Очень симпатичная цыпочка. – Найдя в столе новую ручку, он написал адрес и вручил листок посетителю. – Жена свяжется с ней, предупредит, чтобы ждала тебя нынче вечером.

– Будет время, приходите к нам ужинать, – добавила госпожа Мелит.

– С удовольствием, – в полной растерянности ответил Гудмен.

– Приятно было познакомиться, – сказала женщина.

Ее муж снова нажал кнопку. Госпожа Мелит растаяла в голубом тумане.

– Пора закрываться, – глянул на часы Мелит. – Задерживаться на работе нельзя – пойдут пересуды... На днях загляни, оформим бумажки. Еще рекомендую позвонить в Национальный дворец верховному президенту Боргу. А может, он сам тебя вызовет. Будь начеку, не то старый лис живо найдет тебе применение. И про Жанну не забудь. – Озорно подмигнув, он проводил Гудмена до двери.

Через несколько секунд молодой человек оказался на тротуаре в полном одиночестве.

«Я все-таки попал в утопию, – сказал он себе, – в реальную, настоящую, подлинную утопию».

Но все же кое-что смушало его разум.

Он поужинал в ресторанчике и поселился в ближайшей гостинице. Веселый беллбой отвел гостя в номер, и там Гудмен сразу растянулся на кровати. Устало протирая глаза, попытался разобраться с мыслями.

Сколько впечатлений за один день! И сколько загадок! Например, соотношение мужского и женского населения. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но Мелит, возможно, не тот человек, к которому следует обращаться с подобными вопросами. Ведет он себя довольно странно. Например, швыряется письменными принадлежностями. Разве может себе такое позволить зрелое, ответственное должностное лицо? А как мэр обходится со своей женой?

Гудмен догадался, что госпожа Мелит вышла из статического деррсин-поля, – его характерную голубоватую дымку ни с чем не спутаешь. На Земле деррсинном тоже пользуются. В медицине он бывает полезен – останавливает всяческую активность организма, рост, распад и так далее. К примеру, пациенту позарез нужна сыворотка, которая делается только на Марсе. Проще всего поддержать его в стазисе до тех пор, пока не придет лекарство.

Но на Земле применять деррсин дозволено только врачам, и то по специальной лицензии. Нарушителей ждет серьезное наказание. Слыханное ли дело – хранить в таком поле жену?

Возможно, этим и объясняется отсутствие на улицах женщин в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет, а также соотношение полов десять к одному.

Но какой, спрашивается, смысл в этом высокотехнологичном серале?

И еще одна загадка не давала покоя Гудмену. Возможно, совершенно пустяковая. А может быть, и нет.

Ружье на стене у Мелита.

Он что, заядлый охотник? Но какого размера должна быть дичь, чтобы для нее требовался такой огромный калибр?

Или мэр – любитель стрелять по мишеням? Ну, не с оптическим же прицелом... и тем более не с глушителем. И какой смысл держать оружие в кабинете?

Но все это мелочи, решил Гудмен. Что-то вроде аллергической реакции на особенности местного быта. Он только что высадился на чужой планете – было бы наивно рассчитывать на моментальное понимание ее уклада. Вот поживет на Транае подольше и разберется во всем.

Гудмен уже задремал, когда в дверь постучали.

– Входите, – сказал он.

В номер прошмыгнул юркий коротышка с землистым лицом и торопливо затворил за собой дверь:

– Если я правильно понял, вы с Земли?

– Да, вы правильно поняли.

– Так и знал, что вы поселитесь в этой гостинице, – расплылся в улыбке коротышка. – Хорошо, что сразу застал. Надолго к нам?

– Думаю остаться насовсем.

– Отлично! – воскликнул коротышка. – Как насчет того, чтобы занять пост верховного президента?

– Что-что?

– Достойный оклад, легкая работа, контракт на год, – бодро перечислил коротышка. – Вы производите впечатление человека, не равнодушного к проблемам общества. Ну как, согласны?

Гудмен не поверил собственным ушам.

– Вы это всерьез? – осторожно спросил он. – Так беспечно предлагаете мне высший государственный пост?

– Что значит – беспечно? – взволнованно затараторил гость. – По-вашему, мы тут кому попало норовим всучить должность верховного президента? Да будет вам известно, это высокая честь!

– Простите, я не хотел...

– Просто вы, землянин, идеально нам подходите.

– Это еще почему?

– Так ведь общеизвестно, что земляне обожают править. Чего не скажешь о нас, транайцах. Слишком уж хлопотное это дело.

Надо же, до чего просто! В жилах Гудмена вскипела кровь реформатора. Как бы ни был хорош Транай, его наверняка можно улучшить. Молодой человек живо вообразил себя правителем утопии, решающим грандиозную задачу: как сделать почти идеальное совсем идеальным. Но осторожность взяла верх, и он не позволил сорваться с языка возгласу «Я согласен!». Где гарантия, что этот визитер не сумасшедший?

– Благодарю за предложение, – сказал Гудмен, – но мне необходимо его обдумать. Пожалуй, следует поговорить с человеком, ныне занимающим этот пост, и ознакомиться с должностными обязанностями...

– А я здесь для чего, по-вашему?! – вспыхнул коротышка. – Я и есть верховный президент Борг!

Только сейчас Гудмен заметил на шее у собеседника официальную печать.

– Как примете решение, дайте знать, я буду в Национальном дворце. – И, пожав Гудмену руку, президент удалился.

Выждав несколько минут, молодой человек вызвал беллбоя:

– Кто это был?

– Борг, верховный президент, – ответил беллбой. – Вы согласились?

Гудмен отрицательно покачал головой. Он вдруг понял, что Транай далеко не прост и еще многое нужно узнать о нем.

Утром Гудмен добыл алфавитный список заводов по производству роботов в Порт-Транай и пошел устраиваться. Подходящее место нашлось на удивление легко – с первой же попытки. Бегло проглядев документы, Марвина приняли в фирму «Бытовые роботы Аббага».

Владелец предприятия был невысок ростом, обладал пышной седой шевелюрой и буквально излучал мощную жизненную энергию.

– Рад, что в нашей команде появился землянин, – сказал господин Аббаг. – Как я понимаю, вы неординарная личность, а такие люди нам нужны. Буду с вами честен, Гудмен: надеюсь, ваши свежие идеи принесут нам прибыль и помогут выйти из тупика.

– А в чем проблема? – спросил молодой человек.

– Я вам покажу. – Аббаг повел Гудмена по цехам: штамповочному, термической обработки, рентгеноструктурного анализа, окончательной сборки и испытательному.

Это последнее помещение было обставлено как жилье – гостиная, совмещенная с кухней. Вдоль стены там выстроилось не меньше десятка роботов.

– Испытайте любого, – предложил Аббаг.

Гудмен подошел к ближайшему роботу и взглянул на его контрольную панель. Она оказалась достаточно простой, не требующей разъяснений. Молодой человек подверг машину стандартной процедуре, веля переносить с места на место вещи, мыть кастрюли и сковородки, накрывать на стол. Приказы выполнялись довольно четко, но очень уж медленно. На Земле давным-давно приучили механических слуг к резвости. Очевидно, транайские технологии изрядно устарели.

– Похоже, они у вас неторопливы, – осторожно высказался Гудмен.

– Вы правы, – кивнул Аббаг. – Они чертовски медлительны. По мне, так в самый раз. Но отдел по изучению сбыта пришел к выводу, что покупателям нужны еще более вялые роботы.

– В самом деле?

– Правда, забавно? – мрачно спросил Аббаг. – Их неповоротливость дорого нам обходится. Посмотрите, что у него внутри.

Гудмен снял заднюю панель и опешил, увидев жуткую путаницу проводов. Не сразу ему удалось разобраться, что там к чему. Изначально робот представлял собой современную даже по земным меркам конструкцию и имел недорогие быстродействующие контуры. Но в него дополнительно вмонтировали замедляющие реле, генераторы помех и понижающие передачи.

– Вот вы мне скажите, – сердито потребовал Аббаг, – как можно сделать робота еще менее расторопным, если не увеличить втрое его размеры и вдвое – затраты на изготовление? И каких еще, с позволения сказать, усовершенствований от меня потребуют в следующий раз?

Слушая его, Гудмен пытался переварить дикую концепцию примитивизации техники. На Земле фабрики всегда стремились строить все более шустрых, смысленных, четче исполняющих команды роботов. И у него никогда не возникало сомнений в правильности такого пути.

– И как будто мало нам бед, – продолжал сокрушаться Аббаг, – новая пластмасса, созданная специально для этой модели, то ли катализировалась, то ли испортилась по какой-то другой причине. Смотрите!

И он отвесил роботу крепкого пинка в середину туловища. Пластмасса промялась, как тонкая жесть. Аббаг ударил снова, вмятина увеличилась, изделие жалобно защелкало деталями

и замигало лампочками. От третьего пинка раскололся корпус. Эффектно взорвались внутренности робота, обломки усеяли пол.

– Прочность не ахти, – сказал Гудмен.

– Да какое «не ахти»! Он же от первой плюхи должен разлетаться вдребезги. Покупатель не придет в восторг, если мы его заставим целый день ноги о робота отбивать. Вот вы скажите, как сделать пластмассу, которая и обычные нагрузки держит – мы же не хотим, чтобы изделие само развалилось в любой момент, – и легко ломается по желанию потребителя?

– Минуточку! – запротестовал Гудмен. – Позвольте мне кое-что прояснить. Вы нарочно замедляете свою технику, чтобы она раздражала покупателей и вызывала желание сломать себя?

Аббаг вскинул голову:

– Ну конечно!

– А зачем?

– Вы здесь новичок, – снисходительно улыбнулся Аббаг, – и не знаете того, что известно любому ребенку. Я говорю о фундаментальной концепции.

– Нельзя ли поподробней?

Аббаг вздохнул:

– Что ж... Наверняка вы в курсе: любое механическое устройство превращается в источник раздражения. У человечества давняя и стойкая неприязнь к машинам, психологи это называют инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Успеваете следить за нитью моих рассуждений?

Тотчас Марвину Гудмену вспомнились прочитанные романы-предупреждения о восстаниях машин, о воцарении кибернетических мозгов над миром, о нашествиях андроидов и тому подобном. Пришли на ум герои смешных газетных заметок: кто-то расстрелял свой телевизор, другой разбил тостер об стену, третий «свел счеты» с автомобилем. А еще шутки роботов, всегда с явным враждебным подтекстом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.